

O. om K.

Ха-ха. Там, внизу, они подумают, что я сошла с ума. Хотя мысли мои ясны, как никогда. Ясны по-настоящему, впервые в жизни. Все, все пусть увидят меня!

Артур Шницлер. *Барышня Эльза**

Кажется, что ты была
Хрупкой свечкой на ветру.

Элтон Джон. *Candle in the Wind***

* Все цитаты из повести приводятся в переводе И. Мандельштама. —
Здесь и далее примечания переводчика.

** Свеча на ветру (англ.).

Я все еще помню.

Мама покинула наш дом в четверг, 27 апреля 1969 года. День близился к концу. За городом в этот час всегда тоскливо. Мы с сестрой Сарой возвращались с прогулки. Я не могу стереть этот день из своей памяти: в ту ночь на этаже родителей разыгралась драма.

Крики, вопли. Мы с моим младшим братом Чарльзом прижались друг к другу. Хлопали и открывались двери, было слышно, как мама кричит. Неужели папа ее бил? Он называл имя другого мужчины и оскорблял ее. Я была уверена: теперь она точно уйдет. Я слышала, как она сказала, что больше никогда не вернется ни в Элторп, ни в Паркхаус, что «ноги ее не будет в этом проклятом замке». Это она про наш дом.

А потом наступила тишина, словно кто-то из них умер — или сразу оба. Мы с Чарльзом так и сидели, испуганно держась за руки; ему было пять лет, мне восемь. За нами пришла няня, мама попросила ее «немедленно» привести детей — подобная спешка не предвещала ничего хорошего.

Вместе с нашими старшими сестрами Сарой и Джейн мы друг за другом поплелись наверх по лестнице, ведущей в комнаты родителей. Накануне среди криков родителей я услышала слова «развод» и «любовник». Чарльз не понимал, что они значат, и я не стала ему объяснять — он скоро и так все поймет.

Стоя в верхней одежде, мама говорила быстро, стараясь подобрать правильные слова, и это, кажется, только усугубляло ее волнение. Глубоко вдохнув, она подтвердила наши страхи и объявила, что уходит от отца, а затем, после долгого молчания, добавила, что нас она, конечно же, не оставит. Но как она может уйти от отца, не оставив нас, — ведь мы живем здесь, в Парк-хаусе? Значит, она больше не будет с нами жить? Я не могла себе этого представить. Неужели мать может жить без своих детей?

Джейн задала ей этот вопрос, но мамины чемоданы, стоявшие у двери, ответили на него без слов.

Она поцеловала нас всех по очереди, в одну щеку, чтобы было побыстрее. Я едва успела вдохнуть ее запах, почувствовать холод ее сережек, коснувшихся моего лица, и вот она уже бежала вниз по лестнице, обещая поскорее вернуться и нас навестить. Чарльз посмотрел на меня с недоверием; на его щеке остался след от маминой помады.

Грош цена обещаниям тех, кто дает их, не глядя в глаза, говорила Грэнни*. Хоть в чем-то она была права.

* Grannie — бабушка (англ.).

Сидя на лестнице, я смотрела, как мама садится в машину, дворецкий захлопывает дверцу, закрывает багажник. Вот и всё: больше никаких маминих поцелуев по вечерам, рождественских ужинов, пасхальных яиц в кустах. От прежней жизни остались только воспоминания.

Она бросила четверых детей и даже глазом не моргнула. Сара, Джейн и Чарльз вернулись к себе в комнаты, а я осталась сидеть на лестнице.

Я стала третьей дочерью в семье: родители ждали сына. Их ссоры начались из-за меня. Мама была неспособна подарить Спенсерам наследника. Третья дочь — это же катастрофа! Я стала ходячим разочарованием.

Взвизгнули шины, из-под колес выстрелил гравий, и автомобиль выехал за ворота: мама хотела жить в мире за пределами Парк-хауса, вдалеке от шести тысяч гектаров лесов и лугов Элторпа, вдалеке от вековой истории, вдалеке от нас.

Мама выбрала свободу.

Примерзнув попой к нашим мраморным ступенькам, я ждала ее невозможного возвращения. Мама не вернулась, она уезжала без единой слезинки на глазах. Не сумей она сдержатъ слез, не уехала бы. Она заглушала свои чувства. А я плакала.

Между Норфолком и Лондоном сто шестьдесят километров. Спустя три часа я решила, что могу вернуться в свою комнату, — больше надеяться было не на что. Мама переезжала в Лондон с мужчиной, который не был

нашим отцом. Она бросала вызов обществу и обретала свободу.

Моему младшему брату Чарльзу едва исполнилось четыре года, когда он спросил меня, почему наши родители ссорятся. Мама сказала мне беречь его, так и не дав ответа.

Чарльз хотел утешить отца. Я взяла брата за ручку, мы накинули халаты и прошли по длинной галерее, на стенах которой висели портреты наших предков. Скоро портрет родителей снимут, и от него останется лишь пыльный след. Отец не ответил на наш душевный порыв, но все-таки сел с нами в гостиной, молчаливый как никогда: он заливал свое горе виски. Его жена, жена восьмого графа Спенсера, предпочла ему фабриканта Шанда Кидда, не побоявшись потерять свой дворянский титул.

Моя бабушка любит одну королеву-мать, чьим доверенным лицом и другом она служит уже сорок лет.

На следующий день после маминого отъезда нас навестила Грэнни: она с радостью заявила, что у меня плохая мать, которая нас совсем не любит; бабушка обхватила мою голову руками словно мяч, и произнесла: «Дитя мое, ты бледна как смерть». И добавила, сжимая ладонями мои уши: «Или здесь просто такое освещение?»

Мою бабушку всегда беспокоил только этикет, поэтому ее дочь приносила ей сплошные неприятности. Уйдя от мужа, мама повела себя как непристойная женщина. У Спенсе-

ров не принято разводиться. «Самоубийства и разводы — это неприлично», — повторяла первая фрейлина королевы-матери. В кулуарах Букингемского дворца поговаривали, что леди Фермой была большей роялисткой, чем сама королева Елизавета. Поступок ее дочери был непристойным, но главное, казался ей личным оскорблением, а потому ее гнев возрастал с каждым днем. Мама так и останется отвергнутой, Грэнни никогда ее не простит. Она предпочитала королеву-мать своей дочери так же, как наша мама — любовника своим детям. Ненависть к собственной семье заложена в наших генах. Я хотела покончить с этой фирменной чертой, избегать упреков и хранить верность мужу.

О чем я только думала, когда спросила у этой бессердечной женщины, что будет, если я себя убью? Зачем задавать столь нелепый вопрос, напрашиваясь на бабушкину жестокость? С изящным безразличием Грэнни ответила, что меня забудут, как забывают всех и вся, и жизнь продолжится своим чередом. Разногласия между мамой и бабушкой были выше моего понимания. Я хотела испытать ее любовь, но теперь мне оставалось лишь исчезнуть. Для родителей я была нежеланным ребенком, мама ушла, а бабушка всем на свете предпочитала королеву. Ни до меня, ни до моего будущего никому не было дела. Мама написала нам в письме «мои дорогие», прося «дорогих» не обижаться на нее: она уезжает в долгое путешествие, но заберет нас в Лондон, как только вернется, чтобы мы жили вместе с ней. Все это ложь. Я научилась распознавать ее. Когда мама прощалась с нами, в ее голубых

глазах не было никакой глубины, только бледная поверхность, за которой одна пустота.

Я ненавижу все эти слащавые и лицемерные слова. Одним дождливым вечером в поместье Элторп моя верная подруга Кэролайн Прайд, отличница, которую даже называли «ботаником», рассказала мне про «Барышню Эльзу». Это история о прелестной светловолосой девушке, которая проводит каникулы в роскошном итальянском отеле. Пока она беззаботно играет в теннис под летним солнцем, ей приходит письмо от матери, и dolce vita* внезапно превращается в трагедию. Из письма Эльза узнает, что ее отец разорился и она должна помочь ему самым унижительным способом: соблазнить старого антиквара.

Ее жизнь рушится. Разве может любящая мать просить дочь о подобной жертве? Неужели долг перед отцом дороже ее жизни?

Имя Эльзы станет для меня магическим — настолько, что я даже начну сомневаться в нереальности его обладательницы.

Письмо с просьбой выманить деньги у богатого антиквара, чтобы спасти отца от бесчестья, было адресовано «дорогой, милой девочке». Мама Эльзы даже не представляла, что случится с ее «дорогой, милой девочкой». «Итак,

* сладкая жизнь (ит.).

еще раз, не сердись на нас, моя дорогая, милая девочка», — писала она. Моя же мама писала своим «дорогим».

Мы лежали на мягком шерстяном ковре у камина, Кэролайн прочитала мне несколько страниц, но этого не хватило, я хотела знать все: «Умоляю, прочитай, что было дальше».

Закончив чтение, Кэролайн попыталась прервать молчание, в которое я погрузилась: она спросила, о чем я думаю, стараясь меня разговорить. Я еще не до конца осознала глубину потрясения, которое вызвали во мне ее слова (или, скорее, слова Артура Шницлера), у меня не получалось выразить свои чувства, определить эмоции, которые пробудил во мне этот текст. Мысли путались, все было пока еще слишком туманно, но одно я знала точно — знала, что никогда не забуду Эльзу, что связана с ней на всю свою жизнь и она будет всплывать в голове при малейшей возможности: вот, например, тетя Эльзы утверждала, будто она все время «ломает комедию» — я запомнила, ведь моя няня говорила про меня то же самое. Во мне было что-то от Эльзы. У Эльзы была особая судьба — такая, казалось, ждет и меня.

Со мной происходило то же, что и с ней: читая письмо, Эльза узнает о масштабе катастрофы, грозящей ее отцу, — нищета, самоубийство. Она понимает, что игры кончились, они кончились для нее точно так же, как для меня. Для Эльзы это конец беззаботных дней, для меня же — конец детства.

Моя мать не втягивала меня в решение денежных проблем, она извинялась за то, что предпочла нашей семье

другую жизнь. Мама не вернется, сколько бы я ни молилась по вечерам, стоя на коленях у изножья кровати.

Если мама меня больше не любит, кто же еще захочет меня любить?

На своих детских фотографиях я всегда улыбаюсь: улыбаюсь в колыбельке с вышитым узором, улыбаюсь на своем сером пони, улыбаюсь рядом с нашими соседями — Эндрю и Эдвардом Виндзорами. Мальчишки перелезали через решетку Сандрингемского дворца, чтобы поплавать в нашем бассейне. Чарльз был уже слишком взрослым, чтобы играть с нами в прятки, он тогда всю ухлестывал за девочками. Нам было все равно, мы смеялись и курили тайком. Жизнь обещала быть такой прекрасной, но после маминого ухода все сломалось, и я отложила свои куклы, чтобы заботиться о младшем брате. Он словно стал моим ребенком, я была еще слишком юна для такой ответственности, и все же именно так я поняла, что роль матери станет для меня самой любимой на свете.

Прочитав мамино письмо, я накинула пальто и, лежа на влажной траве, смотрела на звезды и размышляла, кто станет моим мужем. Обычные переживания, которые, наверное, мучают всех девчонок. Эльза хотела выйти замуж в Америке, но не за американца — или за американца, но тогда жить в Европе. Она воображала дом с «мраморными ступенями у моря», я же, в глубине своей еще неокрепшей души не умевшая отличить собственные желания от чужих, надеялась встретить мужчину, который лю-

бит природу, животных и детей, мужчину, который полюбит меня. Бабушка надеялась на принца.

На следующий год наши родители официально развелись, и отец объявил нам о помолвке с графиней Дартмут Рейн, дочерью писательницы Барбары Картленд и матерью четверых детей. Наш отказ присутствовать на свадьбе никак не изменил его решения. Едва оказавшись в Элторпе, Рейн принялась командовать нами, преобразовать поместье; так, следуя за модой восьмидесятых, историческая усадьба Спенсеров лишилась лепнины, паркета семнадцатого века и своего изящества.

Рейн была карикатурой на графиню. Ее пышные укладки и объемные юбки, в которых она не проходила в дверь, вызывали у меня приступы ярости; мне хотелось столкнуть ее в бассейн, чтобы она утонула под всеми своими юбками. Я была на грани. Белоснежку из хищных лап ее мачехи вырвал прекрасный принц. Может, бабушка была права — мне и правда нужен принц?

Мои подростковые фотографии совсем не похожи на детские. В четырнадцать лет я была некрасивой упрямой девчонкой, прыщавой англичанкой с красными щеками и бледными ногами, прямыми, как два столба. Я была чем-то средним между угрюмым ребенком и взрослой женщиной, которой неуютно в своем теле.

Воображаемого друга не выбирают наугад. Я росла, и Эльза утверждалась во мне все сильнее. Когда в шко-

ле нас называли барышнями, я все время думала о ней. Если бы я только могла оплатить долги ее отца, освободить от давления обстоятельств, я отдала бы все свои сбережения, чтобы ей не пришлось обнажаться перед старым антикваром.

Что могло быть между нами общего — мной и девушкой с такой ужасной судьбой? Ее семья осталась без гроша, мы же были известны и богаты, мои шелковые чулки ничем не напоминали ее рваные, а кровь, текущая по венам Спенсеров, благороднее, чем у Виндзоров и Маунтбетенов, вместе взятых.

Только вот на нашей семье лежит печать порока, наша кровь отравлена, я читала в газетах. Говорят, что мама подавала на развод из-за «жестокости обращения». И это не ложь. Я слышала, как папа ее оскорблял, видела, как он поднимал на нее руку.

Эльза думает: «Кто женится на дочери растратчика? Дочери человека, который похищает сиротские деньги, чтобы проиграть их на бирже!» Он украл тридцать тысяч гульденов, и теперь ей предстоит поднять юбку для того, чтобы их вернуть! Эльзу окружает мрак.

Меня тоже окружает мрак. Кто женится на дочери человека, обвиненного в жестокости?

Разве жестокость не хуже воровства?

Эльза смеется над несчастьями, которые так внезапно обрушились на нее, — это в ее характере. Но что толку смеяться, когда умираешь от горя?

В дело вмешиваются журналисты, адвокаты, друзья, враги, и ссоры моих родителей становятся главной темой газет и званых ужинов. Грэнни подливает масла в огонь, обвиняя собственную дочь в том, что она плохая мать. Разражается скандал. Грэнни становится матерью, которая ополчилась против своей дочери. Мой отец хочет оставить детей себе. Грэнни собирается ему помочь.

Мама плачет. Папа влюблен. Дети несчастны.

Как ужасно читать в газетах, что наш отец «жестокий», а мама «ветреная». Лично я не жестокая и не ветреная, а тихая и скромная; хотя мне все равно хотелось утопить свою мачеху. Я прячу газеты от Сары и Джейн: лучше, чтобы это не попадалось им на глаза. Выходит, я дочь неуправляемого отца и сумасшедшей матери.

И все же именно в этой семье было решено искать супругу для будущего короля.

Нужно было подыскать девушку самых благородных кровей, по возможности невинную и способную стать королевой Англии. Никто не объявлял об этом во всеуслышание: вся Англия и так была в курсе.

Женитьба Эдуарда на Уоллис Симпсон когда-то потрясла всю Англию. Так что в этот раз нужно было найти Чарльзу девушку с хорошей родословной. Разведенных не жаловали. Чарльз не должен был повторить печальную участь своего дяди, короля Эдуарда VIII, — не дай бог еще одно отречение. Так что королева-мать внимательно следила за лич-

ной жизнью внука: «выбор жены — самое важное событие в жизни любого мужчины». Никаких разведенных, никаких простолудинок: его будущая жена не должна стать второй Уоллис.

Компания бабушек совершенно особенная, она состоит из королевы-матери и ее фрейлины, Грэнни Фермой: моей бабушки по материнской линии.

Моя бабушка по отцовской линии Синтия Гамильтон, графиня Спенсер, в свое время бывшая камеристкой королевы Елизаветы, ушла в лучший мир, когда мне было одиннадцать. Ее ангел оберегает меня.

Грэнни и королева-мать прошерстили все королевство и даже иностранные дворы. После долгих разговоров за чаем и печеньем они наконец остановились на моей сестре Саре.

Королевская семья всегда была предметом пересудов, а тут в дело вступают еще и Спенсеры. Я пока вне игры. Саре двадцать два года, она знакомится с принцем Уэльским в Аскоте: худая как щепка, в то время она страдала от анорексии, переживая расставание с герцогом Вестминстерским.

Румянец Сары — цвета английской розы, пусть и не такой розовый и английский, как у меня. Она любит лошадей и охоту. Все это может показаться незначительным, но не в этом случае. Дочери Спенсера — выгодные партии. Наша семья принадлежит к старинному дворянскому роду, мы потомки Стюартов и Джона Черчилля, пер-

вого герцога Мальборо. Сара достойна самого завидного холостяка Англии. Королева-мать и моя бабушка принимают за дело.

Грэнни Фермой очень нравится миссия, которая приближает ее к власти. Возможность выгодно пристроить одну из трех внучек, разумеется, занимает все ее мысли. Интересно, Рут Фермой сама предложила такой вариант или это была идея королевы? А еще ведь надо было выбрать одну из трех сестер. Принц родился в 1948 году, Джейн в 1957-м — у них девять лет разницы, что вполне допустимо, но Джейн не любит лошадей. Ну а я еще слишком юна, Чарльз старше меня на тринадцать лет.

Так что выбор падает на Сару, внучку, родившуюся в 1955 году: у них с принцем семь лет разницы и общая любовь к природе и конному спорту.

Королева согласна.

Сара была далеко не единственным вариантом, и другие кандидатки ей мало чем уступали. Среди них была великолепная леди Джейн Уэлсли, но она не выносила вторжения прессы в свою романтическую идиллию; Сабрина Гиннесс, но она слишком давно потеряла невинность; а также Давина Шеффилд, но она не воспринимала отношения с принцем всерьез. По этим причинам их исключили из списка. Сара должна будет терпеть внимание прессы, не привлекая его нарочно, а значит, отказаться от любовников и посвятить себя исключительно Чарльзу.

Благодаря стараниям бабушек Сара все чаще стала появляться в местах, где обычно бывал принц Уэльский.

Рут Фермой правит бал. Мысль о королевской свадьбе будоражит всю семью. Ни одно чаепитие в Букингемском дворце, ни одна ловля лосося в Балморале не обходится без нашей бабушки. Рут очень близка с королевой-матерью. И эта дружба приносит свои плоды: начав служить при дворе в 1956 году, из «дополнительной камеристки» Рут стала главной фрейлиной королевы. Ей прекрасно известны все придворные премудрости. Она не могла ошибиться, предложив на роль невесты принца свою внучку. Чарльз и Сара знакомы с детства, но она никогда не приглашала его пострелять глухарей на просторах Элторпа.

Дома все в предвкушении, дворецкий сообщает мне о приезде принца. Мне хочется его увидеть. Я надеваю платье: я же ни разу не видела его вживую. Выгляжу как английская нянечка. Ношу пастельные платья с бежевыми цветочками, небесно-голубые или соломенно-желтые жилетки, застегнутые на все пуговицы, юбки до середины икры — в общем, обычная шестнадцатилетняя девушка, не стройная и не модная. Туфли на каблуках, оставшиеся от мамы, ничуть не добавляют мне изящества; в них я выгляжу лишь беспомощней, время высоких каблуков для меня еще не настало. Я спешу, мне хочется увидеть принца хотя бы на несколько секунд, словно должно произойти что-то важное. Я сбегаю по лестнице и быстрым шагом пересекаю гостиную.

Сара и Чарльз беседуют за чашкой чая. Принц увидел меня и замолчал, я помахала им рукой и ускорила шаг, направляясь к выходу, — из английской розы мои щеки пре-

вратились в мак. Все смешалось: моя застенчивость, наплыв свежего воздуха и дерзость, с которой я помахала принцу как старому знакомому. «Привет, это я, младшая сестренка, которая плохо учится в школе и все еще носит на себе проклятый “детский жирок”, я просто прохожу мимо!».

Принц встал, в его глазах мелькнула улыбка — или я приняла желаемое за действительное?

После этого смелого появления я вернулась в свою комнату, задыхаясь так, будто только что бежала стометровку. Лежа на кровати с закрытыми глазами, я представляю, как танцую вальс в воздушном белом платье из шелка, кружась в объятиях прекрасного принца. Но это невозможно. Бабушки отсеяли меня. Я слишком юна, боюсь лошадей и езжу только на Скаффле — пони, который немного выше лабрадора. Сара обожает лошадей. Я не стану королевой из-за каких-то кляч, мне придется нести свадебный шлейф сестры. Мне шестнадцать, через два года мне будет столько же, сколько Эльзе.

Чарльз уехал, убив целую гору птиц: теперь его добыча возвышается посреди вспаханного поля в Ноботтл-Вуд. Я содрогаюсь от ужаса. Ведь это же не тарелки для стрельбы. Сара поднимается ко мне в комнату: бойкая, сияющая, с горящими глазами — но вовсе не из-за того, о чем я думала.

— Он тебе очень нравится, да?

Сара качает головой.

— Да нет, он же такой чопорный.

Я пожимаю плечами.

— Забавно, он что, ломает комедию? Он же английский принц. Конечно, он чопорный!

Сара избежала грядущей свадьбы, рассказав газете Mirror, что ее раздражают манеры принца: «Я ни за что не выйду за Чарльза, будь он хоть мусорщик, хоть король Англии». Бабушки, конечно, прокляли ее, да и сам принц не оценил такого заявления.

Другие английские девушки сочли бы свадьбу с принцем за счастье, но не она. Чужие желания не прельщают мою сестру. Я восхищаюсь тем, что она предпочла короне свободу, ведь если бы что-то подобное произошло со мной, мне не хватило бы сил отказаться. Королевский снобизм, заразивший всю нашу семью, обошел Сару стороной.

Спеша поскорее покончить с принцем, сестра не ограничилась интервью для Mirror. На грани сердечного приступа бабушка Фермой узнает, что ее внучка хвалилась двум журналистам The Times десятками любовников, проблемами с алкоголем и коллекцией нелепых фотографий принца... Теперь однозначно: Сару вычеркнули из списка кандидатов.

После этого отчаянного заявления Чарльз позвонил ей: «Вы совершили невероятную глупость». Их общение резко прерывается.

Грэнни Фермой в ярости, ее взбалмошная внучка обесценила всю ее работу и вынудила извиняться перед королевой-матерью.

— Ну зачем, Сара?

— Я не создана для такой жизни. Меня пригласили на интервью, и я воспользовалась случаем, чтобы прояснить ситуацию: это выше моих сил.

Итак, место снова свободно.

Шутки шутками, но конкурс на роль жены принца Чарльза — самый сложный во всем английском королевстве.

Нужно родиться в хорошей семье.

Нужно угодить его матери.

Понравиться его бабушке.

Нужно уметь молчать.

Не быть слишком яркой.

На этом сестра и погорела. Такая яркая девушка не может молчать и подчиняться. Уж она-то за словом в карман не полезет — в этом мы все в очередной раз убедились. Со своей любовью к свободе Сара наверняка испугалась оказаться в золотой клетке. Королевская жизнь со страниц журналов все-таки не для нее.

— Когда ты прошла мимо нас, Чарльз проводил тебя взглядом до самого выхода. Мне показалось, что между вами пробежала искра. Берегись!

«Искра»? С чего она это взяла? Нет, она права, принц действительно проследил за моей торопливой проходкой, но вряд ли это хоть что-нибудь значит.

Я могла участвовать в самом сложном конкурсе нашего королевства по трем причинам: я родилась в семье

Спенсеров, умею молчать и совсем не яркая. Осталось понравиться королеве. Как будто у Чарльза вообще нет права голоса.

Грэнни Фермой неправильно распределила роли. Сваха растерялась. Королева-мать великодушно простила бабушку и дала ей вторую попытку.

Дамы снова перебирают юных аристократок, и вот, не падая духом, Рут Фермой еще раз открывает сокровищницу Спенсеров. За чашкой чая с каплей молока у королевы-матери и моей бабушки рождается идея: не заменить ли Сару на Диану?

В семье Спенсеров они выудили другую, младшую внучку, которая могла бы стать идеальной женой самого завидного принца на планете, даже несмотря на их тринадцатилетнюю разницу в возрасте. Так и появился заговор лиловых вуалеток.

Бабушке стоило лишь шепнуть на ухо королеве-матери, что «Чарльз, кажется, равнодушен к *малютке Диане*», чтобы без зазрения совести продать ей свой новый товар. Хотя возникали и другие претендентки, в числе которых Камилла Шанд: Чарльз, похоже, по-настоящему привязался к ней. Но королева Елизавета была категорически против такого расклада. Никаких простолюдинок! У нее перед глазами до сих пор стоял жуткий пример Уоллис Симпсон и Дэвида — Эдуарда VIII.

Еще капелька молока — и дамы делают выбор в пользу другой Спенсер: меня. Удачный, однако, выводок.

Но на этот раз нельзя допустить скандала. Грэнни с пригорбим признает, что совершила ошибку: ей следовало сразу выбрать меня. Диана — вот кто в самом деле невинен и послушен, настоящая «чистая душа»! Чарльз посмотрел на нее? Тем лучше! Они смогут зацепиться за этот случайный, короткий взгляд и превратить его в полноценную историю.

Первым делом свахи опросили меня — в этот раз они не прогадали с кандидаткой. Словно феи, что склонились над кроватью семнадцатилетней Спящей красавицы. Немного юная, но такая невинная, тихая и нежная, прелестная Диана прекрасно подойдет принцу. Они видели меня в роли принцессы Уэльской, скромно сидящей возле своего мужа. И не ошиблись: во мне нет пылкости Сары, я и существую-то словно на цыпочках, едва-едва... просто идеально. Мне нужно только немного повзрослеть, подтянуть фигуру, выпрямить спину, перестать смеяться не к месту; и даже хорошо, что меня так мало интересует мода.

Когда по городу поползли первые слухи, отец отправил меня в Швейцарию, в международный пансион для девушек из высшего общества. Меня заперли в цветнике, словно редкую орхидею.

Бабушка и родители знают о планах английской короны насчет меня и о сопутствующих условиях: я должна вести себя как будущая невеста принца. А значит, никаких ухажеров и свиданий. Слухов хватает, чтобы

со мной стали считаться в семье и в школе, я очень выросла в глазах окружающих. Одноклассницы смотрят на меня по-другому, колеблясь между завистью и восхищением. Дома на меня вдруг стали обращать внимание. Я чувствую, как между этой сказочной принцессой и мной настоящей образуется разрыв.

Июль 1980 года. Родители возвращают меня из Швейцарии. Это уже не просто слух: королевская семья выбрала меня заочно. Все из-за крови, которая течет в моих венах; неужели королева не знает, что это дурная кровь, что моя мать бросила меня, а мой отец — алкоголик? Какая ирония: меня выбрали, несмотря на алкоголизм отца и измену матери.

Вернувшись в Элторп, я получаю приглашение от Филиппа, сына командера Роберта де Пасса: он зовет меня провести выходные у них, в Западном Суссексе. Филипп предлагает поехать прямо в Коудрей-парк, где принц Уэльский играет в поло вместе со своей командой «Синие дьяволы». После игры в саду командера устроят барбекю.

Стоит прекрасная погода, я устроилась на стоге сена, ко мне подходит принц Чарльз и просит разрешения присесть рядом.

Наша история началась на соломе.

Он вспоминает мое появление в Элторпе.

— Я помахал вам в ответ, но вы так быстро исчезли. Вы всегда исчезаете так быстро?

Я улыбнулась и опустила голову, не в силах избавиться от этой девичьей привычки и сдержать румянец, который вспыхивал на моих щеках при каждом слове Чарльза. Я знала, что он в числе гостей. Но не ожидала, что он решит присесть на мою импровизированную скамейку.

Робость не выносит тишины. Я готова говорить о чем угодно, лишь бы избежать внимательного взгляда его темно-синих глаз, его молчания, в котором происходит все и ничего. Сильный должен устоять, загнать противника в угол. Ну а слабый — уступить. Чарльз смотрит на мои губы, значит, он хочет меня поцеловать?

Повисает тишина.

Не в силах выдержать испытание взглядом, я уступаю и прерываю молчание:

— Я видела вас по телевизору: вы шли за гробом графа Маунтбеттена в Вестминстерском аббатстве и казались таким печальным; я была потрясена. Мое сердце так болело за вас. Я подумала: «Надо, чтобы кто-нибудь позаботился о нем».

Чарльз пристально смотрит мне в глаза, голубые, как у него самого, — они ясны, в них нет ничего настораживающего. И все же он словно пытается понять, насколько я искренна. Разве столь юная девушка способна на глубокое сострадание?

Я чувствую, что он тронут. Никто не обращается к нему с такой непосредственностью. В его глазах вспыхивает огонек — я задела его за живое, но пока не понимаю чем. Быть может, именно своей непосредственностью.

Не растеряв прекрасной детской прямоты, я была смелой и говорила с тем, кого считала своим кумиром с восьми лет.

Чарльз посмотрел на меня как мужчина, и я вздрогнула. Впервые в жизни кто-то смотрит на меня так. Этот взгляд темно-синих глаз нарушил мой покой: мне страшно утонуть, мне всегда страшно нырять в бескрайнее море, я долго сижу на краю лодки, но в конце концов все-таки ныряю. Что ж, нырну и теперь.

Я выдерживаю этот взгляд, превращающий случайные встречи в нечто более совершенное. Держусь еще немного, а потом опускаю глаза и ухожу, ухожу, потому что боюсь продолжения, ухожу, чтобы потом скучать по нему.

Сегодня де Пассы устраивают садовую вечеринку. Чарльз подошел ко мне, как будто только этого и ждал. Я накрасила глаза: черная тушь придает моему взгляду томности. Погода улыбается нам, платье с бретельками оголяет мои плечи, но Чарльзу нужно вернуться в Букингемский дворец. Он предлагает мне сесть к нему в машину. Но я отказываюсь: теснота салона слишком пугает меня, я боюсь, что не смогу быть на высоте, ведь принц известный интеллектуал, он дружит с философами, историками, а я даже школу еще не окончила.

С этого момента Чарльз не выходит у меня из головы. Я молюсь, чтобы он ответил мне взаимностью. Хоть и знаю, что принц настоящий дамский угодник и все девушки королевства мечтают лишь о нем.